

ИСТОРИЯ ВОСТОЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

ПЕРЕВОД МИСТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ КАК ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА (1)

Р.В. Псху

Кафедра истории философии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10А, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу мистической поэзии Ниффари (X в.), в частности поэтическому «Дивану», приписываемому ему. Философский анализ данного произведения выявил сомнительность оснований приписывать данный текст Ниффари.

Ключевые слова: Ниффари, мистическая поэзия, перевод.

Традиционно понимается так, что философские смыслы носят универсальный характер, то есть средневековый индус, писавший на санскрите, современный араб, пишущий на арабском языке, и древний грек, писавший на древнегреческом языке, в принципе могли бы понять друг друга, если бы имели возможность встретиться и был бы разработан некий универсальный язык-проводник, который препроводил бы их в мир универсальных идей. Помимо того, что данное широко распространенное мнение, неосознанно подразумеваемое при чтении любых философских текстов, обладает потенциальными опасностями (возможностью действительного непонимания иной традиции и при этом неосознаваемого реципиентом, возможностью ее неосознанного искажения, возможностью ее уничтожения) (2), оно также питает представления об истории философии как линейном развитии некой универсальной абсолютной философии, к которой якобы могут приближаться различные философские традиции (какая-то в большей, какая-то меньшей степени). Историко-философская проблема, которую в данном случае можно обозначить как поиск научной методологии работы с иноязычными философскими текстами, может быть разрешена в перспективе не-линейного представления или понимания истории философии (и в принципе не-исторического), то есть такого понимания, которое можно было бы назвать «генеалогическим» (3), поскольку в каче-

стве руководящего принципа берется «семейное сходство» тех или иных философских учений.

Работа с иноязычными философскими текстами в первую очередь связана с их переводом на родной язык. Если говорить о самом переводе, то здесь следует отметить два взаимосвязанных вопроса: вопрос философского осмысления того, что является собой перевод, нацеленный на понимание, более глубокое и ясное понимание, того, что мы делаем, когда переводим, на выражение смыслов, проблем человеческой коммуникации и мышления, ранее не замечаемые людьми (4); и вопрос перевода философии, среди наиболее важных проблем которого будут: проблема типологизации философских текстов, то есть выделения их среди прочих; проблема перевода специальной философской терминологии; проблема перевода не-европейских философских текстов. Именно последняя тема неявным образом является осевой в моем выступлении.

По сути, это проблема адекватности перевода иноязычной философской культуры, не относящейся, а подчас противопоставленной европейской. Традиционное историко-философское исследование, базирующееся на переводе и текстологическом анализе восточных философских текстов, сводится, как правило, к попытке реконструкции системы изучаемого автора, что означает появление очередной адаптированной к западному сознанию интерпретации текста, не всегда адекватной изучаемому материалу, а значит, исключающей возможность подлинного диалога культур. В этом смысле диалогическое взаимопонимание двух разноязычных культур невозможно без учета лингвистических особенностей, ответственных за самобытность и уникальность философского мышления каждой из них (5).

Другими словами, перевод должен пониматься как деятельность, с одной стороны, сохраняющая специфику и оригинальность изучаемого текста (что может расширять языковое и философское мышление читателя), а с другой стороны прорабатывающая языковые пути к восприятию уникальной сущности иной культуры средствами родного языка.

Как же работать с философскими текстами иной традиции? Предлагаю обратиться к наиболее сомнительному виду, который за неимением иных категорий традиционно причисляют к религиозной философии, а именно — к мистической поэзии. Полагаю, если будет найден механизм работы с этими текстами, то можно будет надеяться на успех и в случае с очевидно философскими текстами.

Во второй половине двадцатого столетия в различных библиотеках были обнаружены рукописи как уже известных работ Ниффари (с дополнениями или небольшими отличиями), так и еще неизвестные. К числу последних относились поэтические фрагменты, которые были объединены под общим названием «Диван ан-Ниффари», и которые, по мнению собственно редактора Касима Мухаммада Аббаса, открывают огромный поэтический потенциал Ниффари как личности, позволяет исследовать Ниффари как одного из величайших суфийских поэтов, тем самым меняя то представление, которое могло сложиться о нем после чтения «ал-Мавакиф» и «ал-Мухатабат». Здесь важно то, что редактор и издатель этих текстов собрал и объединил их на формальных основаниях.

Что касается самого текста, то «Диван» представляет собой 44 стиха, различных по объему (минимальный стих состоит из 2 строчек, а максимальный — из 24). Стихи начинаются с разных фраз, содержащих эпитеты Бога. Перед каждым стихом стоит фраза *ولذكر الله أكبر* По два-три стиха написаны в определенном ритме, и каждая вторая строка заканчивается либо на хамзу (*قفية الهمزة*) — 2 стиха, либо на алиф максура — 1 стих, либо на ба — 7 стихов, либо на даль — 4 стиха, либо на ра — 5 стихов, либо на фа — 6 стихов, либо на кяф — 1 стих, либо на лям — 3 стиха, либо на нун — 7 стихов, либо на мим — 8 стихов.

Даже поверхностное обращение к тексту показывает разительную разницу с другими текстами Ниффари, которые называют поэзией в прозе. Но дело даже не в форме, а в том, что эти стихи (помимо наличия грамматических ошибок) не могут быть соотнесены с прозаическими текстами Ниффари ни на лексическом уровне, ни на стилистическом, ни на мировоззренческом. Пояснить это можно следующими примерами: к примеру, выражение *على متن الحجاب* или *عن متون الحجاب* не встречается у Ниффари в прозе несмотря на то, что теме *حجاب* посвящены, как минимум, два мавакиф, в которых, кстати, часто используются глагольные формы корня *حجب*. В «Диване» же встречаются глаголы *سد* и *مد* в сочетании со словом *حجاب*, но имеющие то же значение, что и *حجب*. Кроме того, проза Ниффари считается высшей поэзией, которая сыграла огромную роль в возникновении прозаической поэзии и трансформации языка и структуры арабской поэзии, в то время как стихотворные фрагменты, собранные в «Диване», лишены той легкости звучания, которые присущи языку Ниффари, образы в этих стихах несколько тяжело-весны и в целом чувствуется наполненность картинами, нехарактерными для Ниффари. Эта поэзия обладает духом, противоречащим духу «ал-Мавакиф» и «ал-Мухатабат». Единственное, что можно предположить, так это то, что они были написаны ранее, так как после таких текстов невозможно писать такую поэзию.

Безусловно, при переводе мистической поэзии, когда стих содержит некий мистический смысл, но при этом его форма может никоим образом не содержать никаких аллюзий на него, исследователю необходимо этот мистический смысл постоянно иметь в своем сознании и прочитывать стих в его призмe. В случае же невозможности интерпретировать форму в соответствии с этим смыслом возникает проблема аутентичности произведения. Другими словами, мистическая поэзия должна проверяться мировоззренческими принципами исследуемого автора. На каких же мировоззренческих принципах строится творчество Ниффари? Об этом можно судить по его основным работам. Так, базовые идеи Ниффари можно суммировать, основываясь на текстах «Мавакиф» и «Мухатабат», в следующих пунктах:

- 1) Бог вездесущ и недоступен для понимания;
- 2) любые попытки заслужить милость Бога бессмысленны;
- 3) все зависит от Бога;
- 4) для описания «общения» с Божественным Ниффари предпочитает использовать медитативные категории (видение, инаковость, предстояние);

- 5) необходимость отречения от всего отличного от Бога;
- 6) полное предание себя в руки Бога;
- 7) невозможность достижения Бога без предварительного Божьего избрания;
- 8) полная концентрация на Боге;
- 9) невозможность описания всего того, что связано с Богом;
- 10) признак достижения Бога — видение во всем Бога.

Теперь посмотрим, как эти идеи отражаются в поэтическом сборнике, приписываемом Ниффари. Прежде всего бросается в глаза тот факт, что Ниффари обычно в текстах «Мавакиф» всегда пытается преодолеть любые возможности сравнения Божественной сущности с чем-либо мирским и осуществляет это с помощью языковых парадоксов. В «Диване» же, напротив, заметна тенденция использовать образы в их положительном значении («луч, разукрашенный светом Его великолепия»), хотя эти образы не всегда понятны, но не парадоксальны. Основное отличие языка «Дивана» от языка «Мавакиф» в том, что если первые тексты непонятны в силу туманности образов, грамматических вывертов, непонятности самого языка, то вторые тексты непонятны в силу неспособности разума охватить предлагаемые и грамотно выраженные в языке логические противоречия, имеющие психологическое воздействие на читателя.

На этих основаниях можно выдвинуть осторожное предположение, что Ниффари не является автором этих стихов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Статья и перевод подготовлены при поддержке гранта РГНФ № 13-03-00414.
- (2) Собственно говоря, все эти три возможности тесно взаимосвязаны и, по сути, являются степенями друг друга.
- (3) По типу генеалогического древа какой-нибудь династии.
- (4) Сюда можно отнести теорию лингвистической относительно Сепира и Уорфа, герменевтическое переводоведение, в котором перевод понимается как раскрытие Другого, децентрация, диалог и т.п. В отечественной науке можно отметить теории А.В. Смирнова и Н.С. Автономовой.
- (5) Так, современные лингвистические исследования, посвященные разработке частной теории перевода восточных языков, включают, помимо собственно лингвистической проблематики, и рассмотрение психолингвистических проблем теории перевода. Последние связаны с обнаруживаемыми в переводе различиями на уровне довербальной работы сознания, обусловленными особенностями мировосприятия у носителей восточных языков как наиболее резко контрастируемых с русским языком. Отдельно следует отметить труды А.В. Смирнова, в которых детально рассматривается логика смыслопостроения в арабской культуре, А.И. Кобзева и А.А. Крушинского, исследующих специфику китайской философской традиции.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Мухаммад бен 'Абд ал-Джаббар ан-Ниффари. Ал-А'мал ал-камила ли-н-ниффари. Димашк, 2007.

TRANSLATION OF MYSTICAL POETRY AS HISTORIC-PHILOSOPHICAL PROBLEM

R.V. Pskhu

Department of History of Philosophy
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The paper deals with the medieval Sufi Muhammad 'Abd al-Jabbar an-Niffari (X), that is falsely attributed with the mystical poetical verses.

Key words: Niffari, mystical poetry, translation.

REFERENCE

- [1] Muhammad ben 'Abd al-Jabbar al-Niffari. *Al-'Amal al-kamila li-n-Niffari*. Damascus. 2007.